

50-х годов подобная разработка была вряд ли достижимой из-за недостаточной технической базы строительства, то современный уровень позволяет это реализовать. Свидетельством тому служат технологические концепции щадящего капитального и индивидуального строительства, разработанные в связи с рекомендациями ЮНЕСКО для ряда исторических европейских городов, обладающих, подобно Новгороду, мощными культурными напластованиями.

В сумме возможных, вернее, необходимых мероприятий, способствующих охране уникального новгородского слоя, должна стать работа над концепцией застройки исторической части города, ориентированной на приоритеты индивидуального и маломерного строительства. Создание этой концепции возможно только с учетом Опорного историко-археологического и архитектурного плана Новгорода. Наконец, немаловажным в числе мероприятий по охране новгородского слоя должен стать перспективный план археологического изучения города, основными принципами которого, наряду с планами строительства, должны стать учет геологических и гидрографических данных при проведении исследований, а также выделение внутри исторической зоны города заповедников, исключающих полевые работы.

Е.А.РЫБИНА

ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

За годы многолетних раскопок в Новгороде (с 1932 г.) накоплен разнообразный по характеру, значительный по объему материал, свидетельствующий об уровне образованности средневекового новгородского общества. До сих пор наука располагала лишь скудными сообщениями письменных источников об обучении грамоте в древней Руси. В частности, в 1030 г., как сообщает летопись, князь Ярослав Мудрый велел собрать в Новгороде 300 детей от старост и попов, чтобы “учить их книгам”, т.е. учить читать и писать. Другое летописное известие, отстоящее от первого более чем на 300 лет, свидетельствует о том, что в 1341 г. в Новгород приехал малолетний тверской князь Михаил Александрович “грамоте учиться”. Сведения о существовании школ в средневековом Новгороде содержатся в житиях некоторых новгородских святых, которые в детстве учились в этих школах. В 1551 г. руководители православной церкви, собравшиеся на Стоглавый собор, сетовали на недостаток грамотных людей, утверждая при этом, что прежде в Великом Новгороде, Москве и других городах были училища (шко-

лы), в которых многие учились грамоте и потому грамотных было тогда много.

Действительно, Новгород был крупнейшим центром летописания и книжного дела в Древней Руси. Начиная с XI в., здесь создавались летописные своды, переписывались Евангелия, другие книги церковного содержания, здесь сочинялись жития святых, различные послания, поучения, хождения, писались разнообразные официальные грамоты (документы). До настоящего времени сохранились в подлинниках: древнейшая Новгородская летопись, созданная в XIII в., а также 5 рукописей (Евангелия) XI — первой четверти XII вв. и 2 пергаменные грамоты XIII в. Кроме того, существует немало рукописей XII—XV вв., дошедших до нас в списках XVI—XVII вв. Несомненно, развитое книжное дело в Новгороде требовало немалого числа образованных людей. Вместе с тем, перечисленные факты дают представление об уровне образованности лишь среди привилегированного и церковного сословия. Это дало основание утверждать, что грамотными на Руси были лишь представители высших сословий, духовенства и купечества, а большая часть населения пребывала в невежестве. Такое мнение было повсеместно распространено в исторической науке вплоть до недавнего времени.

Находки берестяных грамот в Новгороде окончательно разведали миф о неграмотности древнерусского населения. 26 июля 1951 г. — день, когда была найдена первая берестяная грамота, — навсегда вошел в историю науки. Эффект от находки первой бересты с текстом был ошеломляющим и имел прежде всего эмоциональный характер. С тех пор грамоты в Новгороде находят ежегодно, и к концу сезона 1999 г. их число достигло 915¹. Всего, по самым скромным подсчетам, основанным на научных данных, в культурном слое Новгорода находится не менее 20000 берестяных свитков.

Кроме Новгорода, записи на бересте обнаружены еще в 9 древнерусских городах: Старая Русса (100 км от Новгорода) — 36, Смоленск — 15, Псков — 8, Тверь — 5, Торжок — 13, Звенигород Галицкий (Украина) — 3, Москва — 1, Витебск, Мстиславль (оба Белоруссия) — по 1. Уже сам факт столь широкого распространения берестяного письма в Древней Руси свидетельствует о том, что грамотность в древнерусском обществе была представлена гораздо шире, чем о том привыкли думать. Берестяные свитки с процарапанными на них текстами обнаруживаются в Новгороде в слоях первой половины XI — первой половины XV вв., в других городах — в слоях XII—XV вв.

Хронологически новгородские берестяные тексты распределяются следующим образом: XI в. — 29, XII в. — 401, XIII в. — 160, XIV в. — 236, 1-я половина XV в. — 78 (всего 904 экз.)². Символично, что древнейшим из существующих к настоящему времени документов на бересте является азбука (№ 591), относящаяся к первой половине XI в. Сокра-

шение числа записей на бересте XV в. объясняется следующими факторами: во-первых, археологическим исследованиям в Новгороде подвергаются слои до середины XV в., которые хорошо сохраняют органику, во-вторых, в XV в. получает распространение бумага, которая вытесняет бересту как писчий материал. Примечательно появление в конце бытования берестяного письма (XV в.) “гибридных” текстов, т.е. написанных на бересте чернилами (№ 13 и № 496).

Многообразие тем и сюжетов, обсуждаемых в берестяных грамотах, практически также безгранично, как неисчерпаема и разнообразна сама жизнь. Грамоты рассказывают о том, о чем молчат летописи и другие официальные документы. Среди записей на бересте — первые школьные упражнения и извещения о смерти, письма о войне и мире, урожае и голоде, сватовстве и любви. Все стороны человеческой жизни и деятельности находят отражение в берестяных текстах. Накоплены десятки грамот, характеризующих семейные отношения, ремесло и торговлю, землевладение и ростовщичество, военные конфликты и правовое состояние общества, сбор дани и налогов, связи Новгорода с другими древнерусскими городами, языческие верования, подробности быта и хозяйства новгородцев.

В настоящее время, когда число берестяных грамот достигло 900 экз. и превышает количество многих других категорий находок, когда обнаружение берестяных свитков превратилось в постоянное явление при раскопках Новгорода, стало совершенно очевидно, что писание на бересте было привычным занятием новгородских жителей. Тексты на бересте свидетельствуют о том, что умение читать и писать и потребность в письменном общении были широко распространены практически среди всех слоев новгородского общества. На бересте писали бояре и управляющие их владениями, ростовщики и священники, купцы и воины, ремесленники и просто горожане. Особенно показательно участие в берестяной переписке женщин, что само по себе демонстрирует высокий уровень образованности в новгородском обществе и является показателем социального положения женщин в Новгороде. Обнаружено немало писем, авторами или получателями которых были женщины. Вот некоторые из них: мать просит сына прислать ей хорошую ткань (№ 125, XIV в.); некая Анна жалуется брату на нанесенные ей оскорбления, просит защитить ее в суде и сама же дает советы, как это лучше сделать (№ 531, XIII в.); сестра пишет своим братьям, настойчиво требуя выполнить ее ювелирный заказ (№ 644, XII в.). Сенсационной стала находка любовного послания молодой новгородки (№ 752), написанного в конце XI в. Известно и несколько чисто “женских” писем, в которых авторами и адресатами были женщины.

Вместе с тем, утверждение о широкой распространенности грамотности в средневековом Новгороде вызывает у скептиков закономер-

ный вопрос о существовании института профессиональных писцов, которые за определенную плату могли писать под диктовку всем желающим различные тексты на бересте: письма, завещания, деловые записи и т.д. Несомненно, профессиональные писцы были, что подтверждается двумя берестяными грамотами (№ 664 и № 710), которые обнаружены в слое XII в. на двух соседних усадьбах. Обе грамоты написаны одним, весьма характерным для книжного письма, почерком, но их авторами были разные люди — Доброшка (№ 664) и Семьон (№ 710).

Между тем к настоящему времени накопилось немало разнообразных фактов, свидетельствующих как о широком распространении грамотности, так и о том, что подавляющее число записей на бересте сделано самими авторами текстов.

Убедительные аргументы данного тезиса содержатся прежде всего в уже найденных берестяных грамотах. Несмотря на своеобразие писчего материала (береста) и особенности способа письма (процарапывание букв на бересте острым предметом), требующих от пишущего определенных навыков и умения, велико разнообразие почерков, которыми эти тексты написаны. Значит писать умели не единицы, а десятки и сотни новгородцев. Кроме того, в текстах (особенно психологически напряженных) нередко зачеркивания неверно или неточно написанного, исправления ошибок, описок, вставка пропущенных букв или слогов, что было бы непростительно для профессионального писца.

Особого внимания заслуживают графика и язык берестяных грамот, вызвавших вначале большой энтузиазм и интерес у лингвистов. Однако постепенно этот интерес у историков языка пропал, потому что им казалось, что грамоты написаны малограмотными и неграмотными или даже нерусскими людьми — так велика была разница между языком и графикой книжного и берестяного письма одного и того же времени.

Лингвисты, привыкшие иметь дело с книжными текстами, увидели массу грубейших ошибок в берестяных письмах: в орфографии — неправильное, неумелое использование букв, в морфологии — неверные окончания у существительных и глаголов, в частности, почти повсеместное употребление окончания — *е* в Им. падеже ед.числа муж. рода: *хлебе, Иване, послале* и др. вместо *хлебъ, Иванъ, послалъ*, в синтаксисе — неуклюжие фразы, нарушенный порядок слов. Все это, по их мнению, в целом делало смысл написанного на бересте неясным, непонятным и даже нелепым.

Однако накопление материала и последующее обращение лингвистов к берестяной переписке на новом уровне обнаружили существенные особенности берестяного письма. Андрей Анатольевич Зализняк, исследовав весь фонд берестяных документов, установил наличие осо-

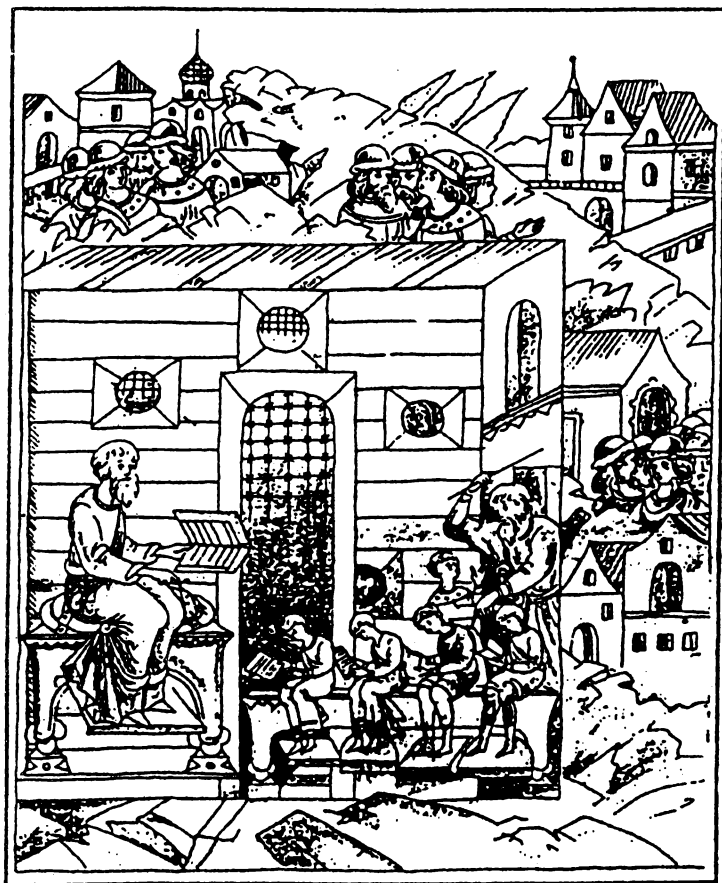

Рис. 1. Урок в средневековой школе. Миниатюра XVI века

бых графико-орфографических систем, названных им бытовыми, которыми пользовались авторы берестяных писем³. Таким образом, он выявил существование, наряду с книжным, бытового письма, являвшегося основой переписки на бересте. Главные отличия бытового письма заключается в смещении или последовательной замене букв **Ъ** и **Ѣ**, использовавшихся в книжном письме для звуков **О** и **Е**, буквами **О** и **Е**. Другими словами, там, где книжный писец употреблял **Ъ** и **Ѣ** для передачи звуков **О** и **Е**, в бытовой системе использовались буквы **О** и **Е**. В уже упоминавшейся грамоте № 531 ее автор Анна 47 раз последовательно употребляет вместо **Ъ** букву **О**, что является убедительным до-

казательством специального обучения бытовому письму, а не свидетельством того, что она 47 раз (!) ошиблась. Есть и ряд других отличий бытового письма от книжного, например, смешение *Ц* и *Ч*.

Что касается языка, то, в отличие от книжной письменности, использовавшей церковнославянский язык, берестяные грамоты написаны на древнерусском, т.е. живом разговорном языке. В этом состоит их исключительная ценность для изучения истории древнерусского языка⁴.

Кроме того, при лингвистическом анализе берестяных писем был выявлен древненовгородский диалект, существенно отличающийся не только от языка книжной письменности, но и от стандартного древнерусского языка⁵. В настоящее время зафиксировано около 30 характерных признаков в фонетике, морфологии, синтаксисе, которые обнаруживаются в большинстве берестяных грамот и особенно раннего периода (XI—XII вв.) Одной из самых ярких особенностей названного диалекта является окончание — *е* в Им. пад. муж. рода ед. числа. При лингвистическом анализе берестяных грамот оказалось, что в рамках бытовой системы (при учете графических отличий и диалектных особенностей) берестяные грамоты написаны практически без ошибок с соблюдением всех грамматических норм и безупречным синтаксисом. Следует признать, что само существование особой, отдельной от книжной, бытовой системы письма является неопровержимым аргументом широкого распространения умения писать, а, следовательно, и читать написанное, среди новгородского населения.

В еще большей степени, чем сами грамоты, об уровне грамотности новгородцев свидетельствует разнообразный эпиграфический материал: надписи на различных предметах, граффити.

Надписи на предметах (рис. 2). В составе новгородской коллекции насчитывается несколько десятков предметов с надписями, которые могут быть разделены на несколько групп. Одну из них составляют надписи на различных бытовых и иных предметах: посуде, гребнях, пряслицах, днищах бочек, рыболовных поплавках, точильных камнях, гусях и других. Эти надписи содержат различные имена, свидетельствующие о принадлежности предмета тому или иному лицу, т.е. являются владельческими надписями⁶. Нередко употребляется написание не полного имени, а лишь одного или двух его слогов, что особенно часто наблюдается на посуде: “Кю” (Кирилл), “Па” (Павел), “Васи” (Василий) (рис. 2, 7) и др.

За последние годы найдено несколько шиферных пряслиц XII в. с надписями имеющими характерное для древненовгородского диалекта окончание — *е*: “Настокине” (Настин), “Неделькине” (Неделькин). На одном из пряслиц содержится надпись: “Иваноке налезе”, т.е. Иванко нашел (рис. 2, 1). Шиферные пряслица в безмонетный период (XII—

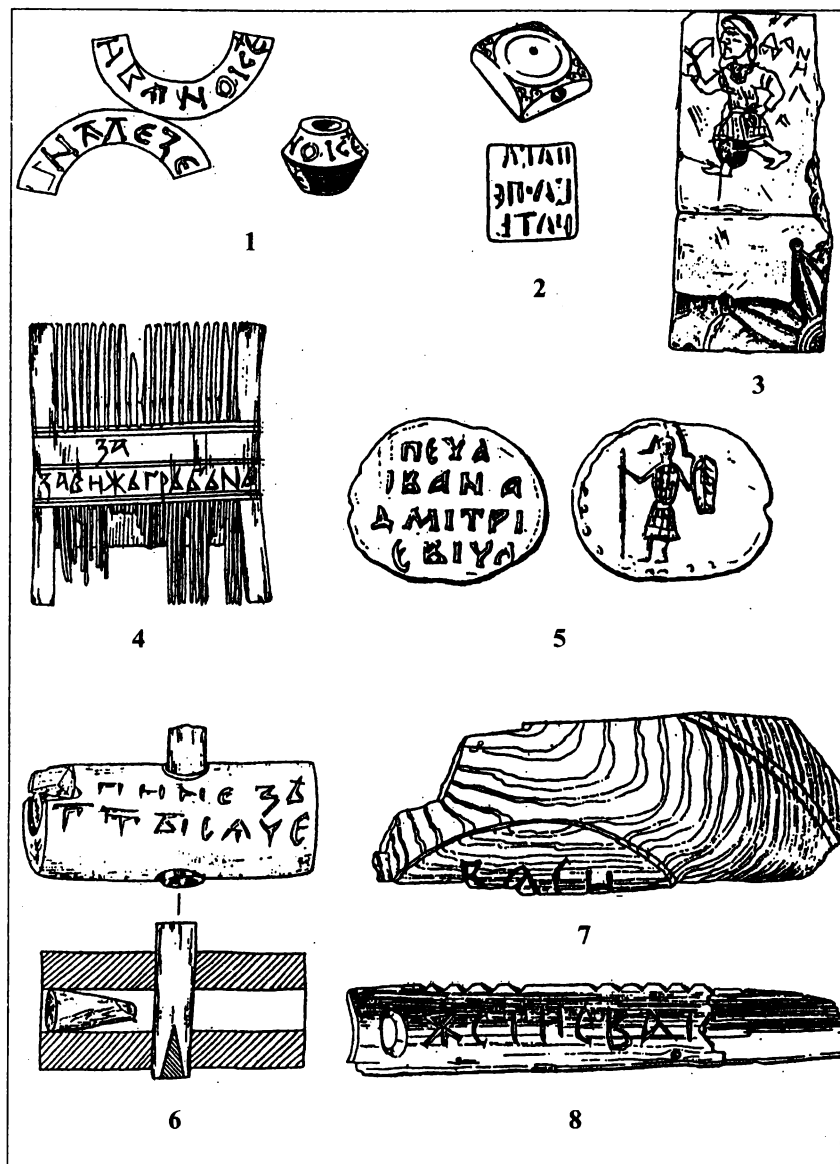

Рис. 2. Надписи на предметах

XIV вв.), когда на Руси не было мелкой разменной монеты, использовались в качестве ее эквивалента. Возможно, именно в таком виде служило найденное неким Иванко пряслице.

Представляют интерес и другие предметы с надписями⁶. Среди них — прекрасной сохранности самшитовый гребень с надписью “Завижь гребень”, т. е. гребень, принадлежащий Завиду (рис. 2, 4). Интересна серебряная денежная полтина из слоев XIV в. с надписью “попова”, т. е. принадлежащая попу. Ее потеря, несомненно, была весьма ощутима для владельца, поскольку серебряная полтина составляла половину денежной гривны и равнялась примерно 100 г серебра, что была значительной суммой для того времени. Из редких предметов с надписями назову часть литейной формы для звездчатого колта (женское украшение) с изображением на одной из ее сторон мужской фигуры и надписью сбоку от нее “Данила” (рис. 2, 3). Возможно, это имя мастера-ювелира, отливавшего украшения в данной форме.

К числу владельческих относятся и некоторые надписи на бересте. Первоначально все надписи на бересте было принято считать берестяными грамотами, и таким образом в их число попали владельческие надписи на берестяных поплавках и донцах берестяных сосудов (туесах, лукошках): “Лазоря” (№ 86), “Жданов” (№ 447), т. е. принадлежавший человеку по имени Ждан, “Федкино лукошко” (№ 599), поплавок с надписью “Илиин” (от имени Илья) (№ 431 и № 432).

Надписи на бытовых предметах еще в большей степени, чем сами грамоты, демонстрируют высокую грамотность новгородского общества. Если грамоту мог написать профессиональный писец под диктовку автора письма, то весьма сомнительно, чтобы надписи на бытовых предметах делались посторонними лицами, а не самими владельцами этих предметов. Кроме того, несомненно, надпись на том или ином предмете исполнялась для того, чтобы отличить свою вещь среди ей подобных. Значит окружающие должны были по крайней мере хотя бы уметь прочитать эту надпись.

Другая группа надписей сделана на предметах, относящихся к административно-фискальной и кредитной сфере. Это разнообразные по форме и размерам деревянные счетные бирки с долговыми записями и зарубками, число которых соответствовало размеру долга. Другой разновидностью таких предметов являются бирки с именами и определенным количеством зарубок, равных долгу названного на бирке человека (рис. 2, 8)⁷.

Отдельную группу представляют собой устроенные особым образом деревянные пломбы для запечатывания дани (главным образом пушнины), которую собирали новгородские чиновники на севере. Пломбы несут на себе княжеские знаки, иногда зарубки, но чаще всего — надписи, фиксирующие суммы даней и их распределение между го-

сударством, церковью и самими сборщиками дани⁸. Самые ранние пломбы такого рода обнаружены в слое конца X в. В 1991 г. коллекция пломб пополнилась еще одной находкой, содержащей княжеский знак в виде двузубца и надпись: “В Пинезе 3 тысячи”, т.е. на Пинеге (северные владения Новгорода) собрано три тысячи беличьих мехов (рис. 2, 6).

Еще одной разновидностью являются надписи на предметах культа: каменных и костяных иконках, нателных металлических крестиках. Надписи этого рода обозначают имена святых, изображенных на данных предметах.

Особый раздел составляют надписи на свинцовых печатях, которые прикреплялись к пергаменным актам и относились по своему значению к сфере государственного управления. Большая часть таких печатей обнаруживается на Городище под Новгородом, где находился архив документов, однако нередко такие печати находят при раскопках новгородских усадеб, у владельцев которых хранились те или иные документы (например, грамота на владение землей). Большинство печатей содержат надписи (рис. 2, 5), обозначающие принадлежность буллы представителем новгородской государственной и церковной администрации: князю, посаднику, тысяцкому, архиепископу⁹. Например: “печать великого князя Ивана Даниловича”, “печать Андреева посадника новгородского”, “печать новгородская” или “печать Великого Новгорода” и т.д. Кроме того, известны находки личных печатей, принадлежавших новгородским боярам и купцам и делавшихся из кости (рис. 2, 2).

Граффити. Разновидностью эпиграфического материала и еще одним свидетельством распространения грамотности являются граффити — надписи, процарапанные на стенах и столбах многих новгородских храмов, в том числе и в Софийском соборе¹⁰.

Широко распространенная в Древней Руси привычка писать на стенах церквей вызвала резкое осуждение церковных властей, принимавших специальные постановления против тех, кто “на стенах режут”¹¹. Несмотря на запреты, надписи, изображения крестов и различные рисунки регулярно появлялись на стенах храмов в XI—XIV вв. Они процарапывались тем же инструментом, что и надписи на бересте, и поэтому в XV в., с появлением бумаги и исчезновением берестяного письма, исчезают и граффити.

Среди надписей встречаются записи летописного характера о пожарах, о снегопаде в мае, о строительстве церкви и т.д., бытовые тексты с указанием хозяйственных расходов, перечнем долгов, сообщениями о свадьбе; есть фольклорные записи с загадками или свидетельствами сохранения языческих обрядов. В адрес авторов таких текстов рядом писались страшные проклятия: “усохните руки”. В разных цер-

квах сохранились фрагменты азбук. Обнаружено немало поминальных надписей с сообщениями о смерти; нередко прихожане оставляли на стенах храмов покаянные записи, например: “Савватий грешен более всех людей” или “Глеб писал грешный” и т.д.

Значительную часть граффити составляют молитвенные тексты, обращенные к Богу: “Господи, помоги рабу своему...”; далее следовало имя писавшего. Но, пожалуй, самыми многочисленными являются своеобразные автографы, состоящие из имени писавшего и глагола “писать”, например, “Петр писал”, “Иван писал на Петров день” и много им подобных. Больше всего эти надписи напоминают “автографы”, которые оставляют современные туристы при посещении достопримечательностей. В связи с этим особенно любопытна оставленная в XII в. надпись в церкви Спаса-Нередицы (под Новгородом): “я тут был”¹².

Для нашей темы представляет интерес надпись в той же церкви: “Лазарь писал грамоту”, которая была повторена 4 раза¹³. Несомненно, что в данном случае под словом “грамота” автор подразумевал сделанную им надпись. Следовательно, это слово было равнозначно понятиям “надпись” или “написанный текст”. Таким образом, данная надпись является дополнительным свидетельством того, что новгородцы словом “грамота” обозначали всякий написанный текст, а не только официальные документы.

Судя по содержанию и характеру граффити, авторами большинства надписей были бояре, священники, дружинники, строители храмов и художники, расписывавшие церкви фресками; однако среди авторов было немало и простых горожан. Надписи на стенах разных храмов характеризуют социальный состав их прихожан. Так, в Софийском соборе, главном храме Новгорода, надписи более разнообразны, чем в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. В свою очередь, в отличие от Софийского собора, в простых городских церквях содержится больше бытовых надписей, оставленных прихожанами во время богослужения.

Писала. Еще одним свидетельством распространения грамотности в новгородском обществе являются находки в культурном слое инструментов для письма, называемых писалами (стилосы)¹⁴. Они представляют собой стержень, заостренный на одном конце и имеющий лопаточку — на другом. Заостренным стержнем процарапывали текст на бересте, стенах церквей и различных предметах, лопаточкой исправляли ошибки на бересте или заглаживали воск на восковых табличках.

К настоящему времени коллекция писал в Новгороде насчитывает более 200 находок X—XV вв. Нас не должно смущать то обстоятельство, что стилосов найдено в 4 раза меньше, чем самих грамот на бере-

сте. Ведь одним писалом можно было написать не один десяток писем. Кроме того, часть грамот, обнаруженных в Новгороде, была написана далеко за его пределами, как это явствует из текстов. Причем письма приходили в Новгород не только из Новгородской земли, из боярских владений, но и с севера от сборщиков дани (№ 724, XII в.) и из других древнерусских городов: Ярославля (№ 69, XIII в.), Смоленска или Киева (№ 424, рубежа XII—XIII вв.), Ростова Великого (№ 745, XII в.).

Наконец, в случае необходимости вместо собственно писала для письма мог использоваться любой твердый предмет с острым стержнем — булавка, проколка, гвоздь и прочее. Вместе с тем, сами писала как категория предметов письменности обнаруживаются на многих новгородских усадьбах и относятся к числу массовых находок.

Приведенные материалы являются несомненным и убедительным свидетельством широкого распространения грамотности в средневековом Новгороде. Разумеется, речь не идет о поголовной грамотности всего городского населения. Отмечу, что, хотя предметы письменности (берестяные грамоты, предметы с надписями, инструменты для письма) обнаруживаются на большинстве раскопанных усадеб, однако наибольшее их число встречается на тех усадьбах, жители которых по роду своей деятельности должны были владеть грамотой. Это усадьбы новгородских посадников, сборщиков дани, купцов, художника. Вместе с тем, несомненно, одно — все новгородцы, грамотные и неграмотные, жили в окружении написанного слова.

* * *

Обнаружив столь широкое распространение грамотности в Новгороде, исследователи не могли не заинтересоваться проблемой обучения грамотности. Редкие письменные известия о существовании школ в Новгороде перечислены в начале статьи.

Между тем ответ на вопрос о том, как новгородцы учились грамоте, был получен из самих записей на бересте. Очевидно, что любое обучение грамоте начинается со знакомства и запоминания (выучивания) азбуки. В коллекции новгородских берестяных свитков содержится несколько листов бересты с написанными на них полными азбуками XI—XIII вв.: № 591, 460, 778, 199, 201, 205. Имеется также неполная азбука XV в., (№ 576) и несколько листов, содержащих по несколько букв (№ 74, 200, 209, 444). Кроме того, полная азбука XIV в. вырезана на обороте одной восковой таблички, найденной в Новгороде (рис. 3, 5)¹⁵.

Находки новгородских азбук вновь поставили вопрос о происхождении славянского алфавита, названного кириллицей по имени ее изобретателя Кирилла. Выяснилось, что в древнейшей новгородской азбуке первой половины XI в. (№ 591), в азбуке XII в. (№ 460), написанных от *А* до *Я*, отсутствуют некоторые буквы (*Щ*, *Ы*, *Ь* и другие), которые

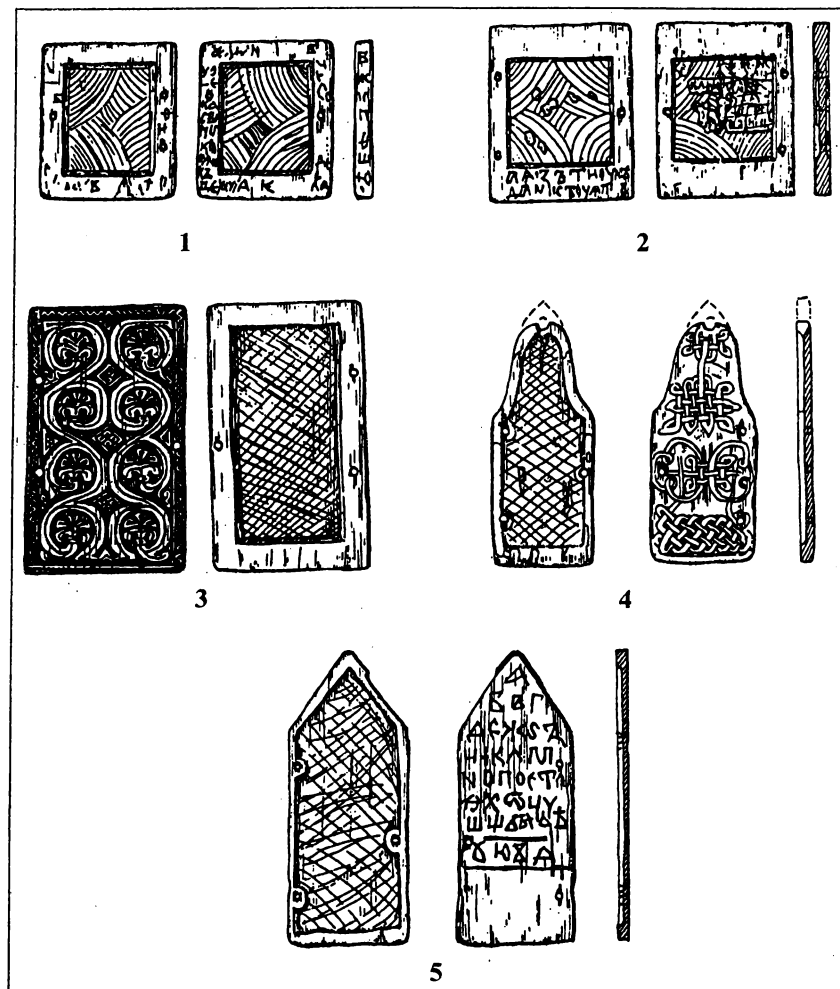

Рис. 3. Церы (таблички для письма по воску)

появились в более поздних азбуках. Последовательное сравнение “берестяных” азбук разного времени и привлечение азбук из письменных источников привело В.Л.Янина к выводу о том, что в давно дискутировавшейся проблеме о начале славянской азбуки правы, вероятно, те исследователи, которые утверждали, что славянский алфавит не был единовременным изобретением одного человека¹⁶. Он формировался постепенно на основе греческого письма и лишь со временем включил

полный набор букв, необходимых для воспроизведения славянской речи на письме, но отсутствовавших в греческом алфавите.

Кроме того, полные азбуки на бересте и на восковой табличке продемонстрировали существование вплоть до XIV в. облегченного вида азбуки, которая отличалась от книжной отсутствием ряда букв — Ъ, Ь, а также специальных букв “кси” и “пси” для передачи звуковых сочетаний “кс” и “пс”. В берестяном бытовом письме эти сочетания обозначались не одной буквой, а последовательным употреблением букв К, С и П, С. Следовательно, облегченная азбука была предназначена для первоначального обучения письму и была достаточной для сферы бытового письма, в то время как для книжного письма требовался более высокий уровень образования: знание полной азбуки и церковнославянского языка.

Наличие упрощенных, “традиционных” азбук, достаточных для бытового письма, является еще одним аргументом в пользу широкого распространения грамотности. Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному служит находка в 1997 году в слое начала XIII в. грамоты № 778¹⁷, содержащей полную азбуку традиционного типа (рис. 4). По составу букв она очень близка самой ранней азбуке (№ 591) и, будучи написанной уверенным, четким почерком, являлась, очевидно, учебным пособием для новгородских школьников.

Основные сведения об обучении маленьких новгородцев были получены из так называемых “грамот мальчика Онфима”. В 1956 г. в те-

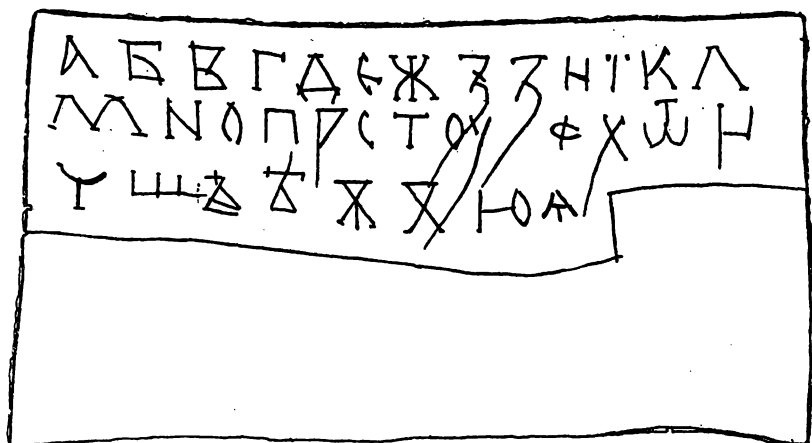

Рис. 4. Азбука начала XIII века

чение двух дней в слое XIII в. было найдено 17 различного рода обрывков бересты с записями и разнообразными рисунками: номера 199, 200, 202—208, 210, рисунки А, Б, В, Г, Д¹⁸. Рассмотрим их по порядку.

Берестяной лист, получивший номер 199, представляет собой дно сосуда, одна сторона которого дополнительно укреплена двумя перекрещивающимися полосами бересты (рис. 5, 1 а). На одной полосе записана азбука от *А* до *Я*, за которой следуют слоги: *ба, ва, га*, и т.д., до *ща*, затем слоги *бе, ве, ге* и т.д. до *ще*. Упражнение продолжается на другой полосе слогами *би, ви, ги* и т.д. до *си*. Остальные слоги с буквой *и* не поместились на листе. Представленная запись — ярчайший пример способа обучения чтению и письму, который применялся в России вплоть до XX столетия. Суть его заключалась в соединении каждой согласной буквы (всего 20 букв) поочередно с каждой гласной.

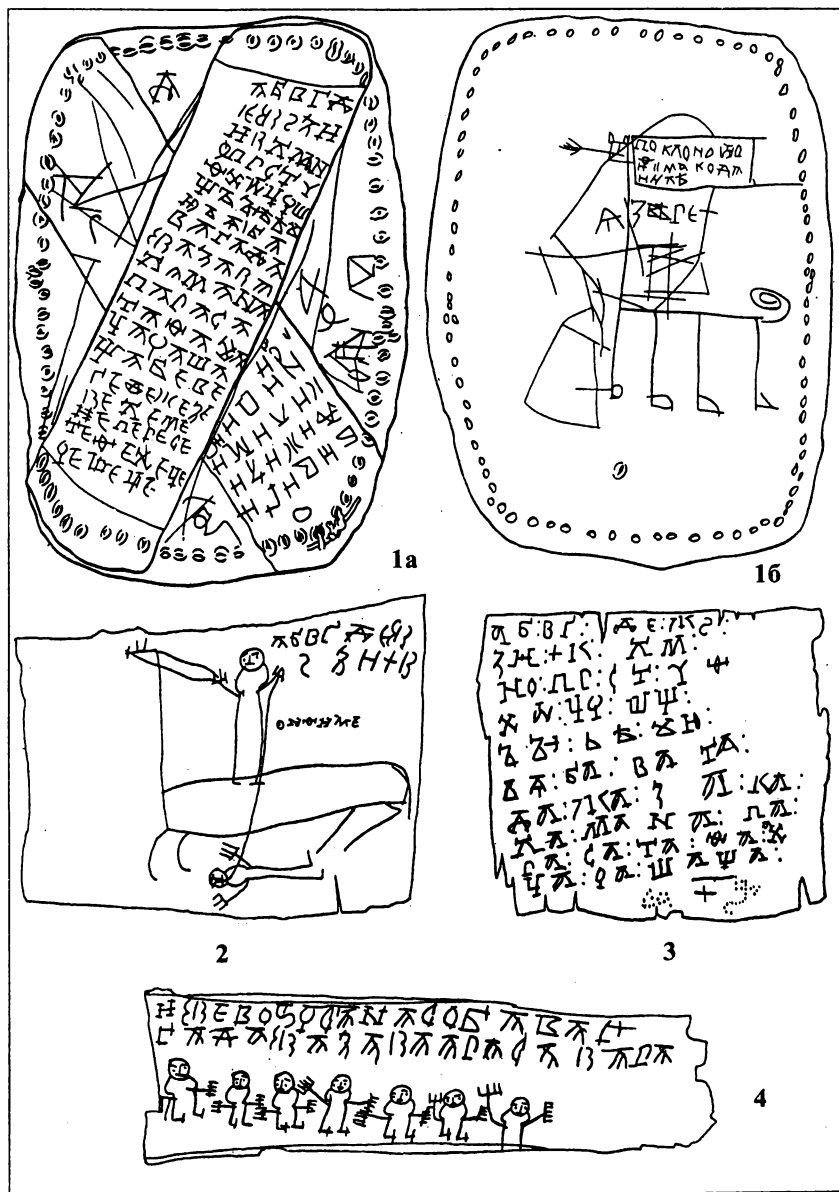
Такой способ сложился в древней Руси в связи с тем, что все буквы русского алфавита имели названия: *А* — аз, *Б* — буки, *В* — веи и т.д. до конца алфавита. Само название русского алфавита — азбука — состоит из двух его первых букв — аз (*а*) и буки (*б*). Чтобы научиться читать и писать, необходимо было привыкнуть произносить только букву, а не ее название, поэтому учащийся многократно писал упражнение по складам, соединяя каждую согласную букву последовательно с каждой гласной. Такой способ обучения до сих пор был известен лишь из письменных памятников XVI—XVIII вв.; берестяные грамоты удревнили этот процесс на 300 лет.

На другой стороне листа № 199 (рис. 5, 1 б) помещен примитивный рисунок животного с торчащей изо рта оперенной стрелой (или высунутым языком) и надписью: “Я — зверь”. Справа от головы “зверя” в рамочке написано: “Поклон от Онфима ко Даниле”. Все записи на обеих сторонах берестяного листа сделаны одним почерком.

На прямоугольном листе бересты под № 200 находится рисунок — своеобразный “автопортрет” Онфима (рис. 5, 2). На листе изображен скачущий всадник, поражающий копьем врага. Возле всадника — надпись “Онфиме”, в верхнем правом углу листа находится часть азбуки от *А* до *К*. Несомненно, тождество почерка с записями предыдущего листа.

Полную азбуку Онфим написал на очередном листе (№ 205); под азбукой он нарисовал контур лодки с веслами и начал писать свое имя, но не закончил: “Онф...” Еще одно школьное упражнение Онфима содержится на листе 206 (рис. 5, 4), на котором вначале находится неудачная попытка написать цифры, а затем записаны слоги от *ба* до *ра*. Внизу изображены семь взявшихся за руки человечков с разным количеством пальцев. Очередную запись слогов от *бе* до *ще* Онфим выполнил еще на одном листе бересты (№ 204).

Уже знакомым почерком Онфима заполнены листы под № 202, 203, 207, 208 и найденный спустя много лет лист № 331, на которых записа-

ны обрывки церковных поучений, молитв и других текстов. Установлено, что образцами для этих упражнений были церковные книги Псалтирь и Часослов, которые издавна применялись на Руси для обучения грамоте¹⁹. Кроме рассмотренных текстов, Онфиму принадлежит и пять рисунков, выполненных в той же “творческой манере”, что и упомянутые выше, и изображающие всадников, воинов в шлемах. Онфим, как и любой ребенок, устав от школьных занятий, развлекался рисованием и, как каждый мальчишка, рисовал прежде всего воинов.

Возраст Онфима приблизительно определяется в 6–7 лет — именно в это время на Руси начинали обучать детей грамоте. Выучив азбуку и научившись писать и, очевидно, читать, Онфим еще не умел считать. Среди его упражнений нет цифровых записей, кроме одной уже упоминавшейся неудачной попытки (№ 206).

Кроме школьных упражнений Онфима, имеются и другие, аналогичные им, записи на бересте в виде азбуки, слогов, цифр. Среди “Онфимовских грамот” находится берестяной лист № 201 (рис. 5, 3) с записью полной азбуки и слогов от *ба* до *ща*, выполненных другим почерком. Возможно, он принадлежал соседу Онфима по обучению, тому самому Даниле, которому он написал “поклон” и с которым они вместе обучались грамоте.

Еще одна запись слогов от *ба* до *ща* была найдена в другом конце Новгорода в слое рубежа XIV—XV вв. (№ 623).

К числу ученических может быть отнесена грамота № 330 (XIII в.), одна сторона которой разграфлена на 28 поперечных полос. В пяти первых полосах ученик начал писать азбуку, но не закончил ее. На обороте, в левом верхнем углу, тем же почерком сделана обведенная рамочкой надпись: “Господи, помоги рабу своему”. Часть свободного пространства занята отдельными словами, написанными другим почерком.

На большом листе под № 444 (XII в.) записано начало азбуки от *А* до *Д*, а затем в беспорядке еще несколько букв. Остальная часть листа занята неким подобием рисунков.

Несомненно, маленькому новгородцу принадлежат записи и рисунки на листе № 376, относящемся к рубежу XIII—XIV вв. В их составе — первые четыре цифры, отдельные буквы и слова, из которых понятно только одно слово “страж”. Надписи сопровождаются примитивными рисунками в “стиле” Онфима и беспорядочными штрихами и росчерками.

Неумелые, подражательные буквам (буквообразные) знаки содержатся еще на ряде берестяных листов — № 396, 399, 401, 680, 669, авторы которых, вероятно, находились в самом начале процесса обучения.

Кроме обучения письму есть свидетельства арифметических упражнений и образцов для таких действий. Обучение счету (арифметике),

вероятно, было вторым этапом в процессе образования. Дело в том, что цифры на Руси изображались буквами, которые сопровождались специальными знаками, поэтому только после хорошего усвоения азбуки можно было переходить к обучению цифрам. Единицы, десятки и сотни обозначались разными буквами, которые сопровождались надстрочными знаками и точками по бокам, тысячи изображались теми же буквами, что и единицы, но с особым значком впереди, десятки тысяч также обозначались буквами, но были обведены кружком. Именно такая полная запись, содержащая всю систему цифр, существовавших на Руси, обнаружена на берестяном листе № 342, который служил, очевидно, пособием для обучающихся. Записи отдельных цифр содержатся на листах бересты под № 287, 376, 759.

Итак, познакомившись с грамотами Онфима и другими ученическими упражнениями, можно составить некоторое представление о том, как и чему обучались маленькие новгородцы. Ученики прежде всего учили азбуку и записывали ее в качестве упражнений. Одновременно они учились читать по складам, для чего делали многочисленные упражнения, записывая слоги и переписывая тексты из церковных книг. Предметом обучения были и некоторые стандартные формулы: начало письма, записи долгов, благопожелательные тексты, этикетные фразы и пр. Только после овладения азбукой и письмом переходили к изучению цифровой и счетной системам.

Среди записей, сделанных Онфимом, обращает внимание тот факт, что в записанных им азбуках содержится полный набор букв, в частности **Ѣ** и **Ѥ**, которые в текстовых записях мальчик не употребляет. Вместо них он использует **О** и **Е**, как было принято в бытовой системе письма. Кроме того, в самостоятельных записях он употребляет диалектные окончания: *звере*, *Онфиме*. Это убедительное свидетельство существования разных, по крайней мере двух, уровней образования: обучения полной азбуке для чтения книг и обучения бытовому письму, широко использовавшемуся в повседневной жизни. Книжному письму обучались, по-видимому, профессиональные писцы, переписывавшие книги, создававшие летописные своды, писавшие официальные документы. Книжной грамотой владели также монахи, попы, т. е. люди духовного звания.

Церы. Еще одной категорией, связанной с обучением грамотности, являются *церы*, т.е. деревянные таблички для письма по воску (рис. 3). Известно, что такие таблички были широко распространены в античной и средневековой Европе, где они использовались для разного рода кратковременных записей²⁰.

В Новгороде за все годы раскопок (1932—1998 гг.) было найдено всего 12 табличек для письма по воску²¹. Все они изготовлены из плотного дерева и, как правило, хорошо сохраняются после извлечения из

культурного слоя. Что касается датировки новгородских цер, то они обнаружены в слоях XI в. — 2 экз., XII в. — 5 экз., XIII в. — 1 экз., рубежа XIII—XIV вв. — 1 экз., XIV в. — 2 экз.

Новгородские церы разнообразны по форме, размерам и оформлению, в их составе есть односторонние и двусторонние таблички. Две односторонние церы украшены богатым растительным орнаментом (рис. 3, 3, 4), на третьей тщательно вырезан полный древнерусский алфавит (рис. 3, 5).

Среди двусторонних цер привлекают внимание две находки, происходящие из слоев XII в. (рис. 3, 1, 2) Они примерно одного размера с формой, близкой к квадратной, и с декоративной штриховкой внутреннего поля, что отличает эти таблички от всех остальных экземпляров. На бортиках одной таблички (рис. 3, 1) тонко прочерчены хаотично расположенные надписи и буквы, а на ее торце четко и тщательно сверху вниз вырезаны буквы *Б, Ж, К, П, Ф, К, Ш, Ю*. С первого взгляда это кажется случайным набором букв. Однако на берестяном листе № 199 из числа “грамот Онфима” уже упоминавшаяся полная азбука записана пятью столбиками, из которых второй столбик содержит почти тот же набор букв, что и на рассматриваемой цере (наблюдение А.А.Зализняка). Очевидно, данная цер являлась частью полиптиха, состоящего, по крайней мере, из пяти табличек, на торцах которых столбиками была записана вся азбука.

Замечательна другая цер из названной пары (рис. 3, 2), впервые сохранившая остатки воска с надписями, из которых хорошо читается слово “кланю (сь)”. (На торце еще одной церы вырезана буква *В*).

Хронология и топография новгородских цер свидетельствует о том, что они не были в постоянном и повсеместном употреблении в средневековом Новгороде. В отличие от Западной Европы, где церы широко употреблялись для повседневных деловых, бытовых и других записей, в Новгороде их применение было локальным и носило частный характер. Здесь восковые таблички чаще всего использовались при обучении.

Примечательно, что почти половина из известных в Новгороде цер сосредоточена на нескольких соседних усадьбах Людина конца (район к югу от Кремля) в слоях XII в, где обнаружено скопление берестяных грамот, писал, а также зафиксировано существование профессионального писца, о котором уже шла речь. Не исключено, что здесь было организовано и обучение грамоте, для чего использовались церы, в том числе и упомянутая цер с азбукой.

Научившись грамоте, новгородцы не только вели деловые записи и писали друг другу письма, но и развлекались шутками. Однажды была найдена странная запись на бересте (№ 46, XIV в.), содержащая две строчки с оторванным концом, которые невозможно было прочитать:

н в ж п с н д м к з а т с ч т
е е я и а е у а а а х о е и а

Текст стал ясным, когда А.В. Арциховский предложил читать буквы сверху вниз, после чего было прочитано: “Невежа писа, не дума каза, а хто се чита...” (перевод: “Невежда написал, бездумный сказал, а кто это прочитал...”), что очень похоже на современную школьную шутку: “Кто писал, не знаю, а я дурак читаю”.

Овладев грамотой, взрослые новгородцы умело применяли свои знания в деловой и личной переписке. Сохранившиеся целые (не в обрывках) письма на бересте поражают современного читателя четкостью мысли, лаконичностью изложения и, вместе с тем, образностью выражений и изяществом стиля.

Завершая рассказ об образовании в Новгороде, отмечу, что обучение грамоте не было экстраординарным событием в жизни новгородцев, о чем наглядно свидетельствует берестяное письмо № 687 конца XIV в. В этом послании, сохранившемся, к сожалению, в обрывке, содержится ряд хозяйственных распоряжений мужа жене: о покупке масла, одежды детям, другие указания. И среди прочего, как о самом обычном деле, звучит напоминание: “...отдай учить грамоте...”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время вышло 9 томов академического издания берестяных документов, включающие номера с 1 по 710; перечислим их здесь полностью, чтобы в дальнейшем не повторять многократные ссылки на это издание.

Грамоты №№ 1—10: *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* НГБ (из раскопок 1951 г.), М., 1953; **грамоты №№ 11—83:** *Арциховский А.В.* НГБ (из раскопок 1952 г.), М., 1954; **грамоты №№ 84—136:** *Арциховский А.В., Борковский В.И.* НГБ (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; **грамоты №№ 137—194:** *Арциховский А.В., Борковский В.И.* НГБ (из раскопок 1955 г.), М., 1958; **грамоты №№ 195—318:** *Арциховский А.В., Борковский В.И.* НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.), М., 1963; **грамоты №№ 319 — 405:** *Арциховский А.В.* НГБ (из раскопок 1958—1961 гг.), М., 1963; **грамоты №№ 406—539:** *Арциховский А.В., Янин В.Л.* НГБ (из раскопок 1962—1976 гг.), М., 1978; **грамоты №№ 540—614:** *Янин В.Л., Зализняк А.А.* НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.), М., 1986; **грамоты №№ 615—710:** *Янин В.Л., Зализняк А.А.* НГБ (из раскопок 1984—1989 гг.), М., 1993.

Предварительная публикация находок последних лет осуществляется в журнале “Вопросы языкознания”: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990—1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3. С.3—22; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1995 г. // ВЯ. 1996. № 3. С.13—16; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1996 г. // ВЯ. 1997. № 2. 1997. С.24—33; *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // ВЯ. 1998. № 3. С.26—42.

Кроме того, свод берестяных грамот с № 1 по № 752 (за исключением незначительных обрывков) с переводами на современный русский язык и с лингвистическими комментариями содержится в издании: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диа-

лект. М., 1995. Во всех перечисленных изданиях читатель без труда найдет нужные номера грамот, которые упоминаются в тексте настоящей статьи.

² В данный подсчет не включены берестяные поплавки, донца с надписями, а также бересты с буквообразными знаками, которым были присвоены номера; кроме того, несколько обрывков под разными номерами оказались частями одного текста. Замечу также, что распределение грамот по векам является в некоторой степени условным, поскольку ряд документов относится к рубежу веков.

³ Зализняк А.А. Противопоставление книжных и “бытовых” графических систем в древнем Новгороде // *Finitis doudecim lustris*. Сб. статей к 60-летию Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1982. С. 82—85.

⁴ Зализняк А.А. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // *Вестник АН. М.*, 1988. № 8. С.92—100.

⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект.

⁶ Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. НГБ (из раскопок 1951 г.). с.44—50; Янин В.Л. Владельческие надписи на бытовых предметах // Янин В.Л., Зализняк А.А. НГБ (из раскопок 1984—1989 гг.). С.112—122.

⁷ Янин В.Л. Надписи на деревянных “счетных” бирках // НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С.81—88.

⁸ Янин В.Л. Археологический комментарий к “Русской Правде” // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С.138—155.

⁹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1—2.

¹⁰ Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978; Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на храмах: новые источники XI—XV вв. СПб., 1992.

¹¹ ПРП. М., 1952. Вып. 1. С.241.

¹² Рождественская Т.В. Древнерусские надписи... С.98.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Медведев А.Ф. Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 1960. № 2; Овчинников Б.Б. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С.83—86. См. также статью Б.Б. Овчинниковой в настоящем сборнике.

¹⁵ Арциховский А.В., Борковский В.И. НГБ (из раскопок 1953—1954 гг.). С.79—80.

¹⁶ Янин В.Л., Зализняк А.А. НГБ (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 54—55.

¹⁷ Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // ВЯ. 1998. № 3. С. 31—32.

¹⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 17—32.

¹⁹ НГБ (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с.17—32.

²⁰ Мецкерский Н.А. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот / Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1962. Т. 12. С.84—115.

²¹ Bull R., Moser E., Kuhn H. Wachs als Beschreib und Siegelstoff. Wachsschreibtafeln und ihre Verwendung // Von Wachs. Hoester Beitrage zur Kenntniss der Wachse. Frankfurt (M)Hoest, 1968. Bd. 1. Beitrag 9.

²² Рыбина Е.А. Церы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С.129—133.